

Богущий Алексей Евгеньевич

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ НАДЕЛАМИ НЕПОЛКОВОГО КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1871 ГОДА

В статье рассматриваются причины, сущность и итоги выделения земельных наделов неполковому (не входившему в списочный состав Енисейского и Иркутского казачьих полков) казачьему населению Енисейской и Иркутской губерний после реформы 1871 г. Обращение к данной теме позволяет расширить сложившиеся в исторической науке представления о казачьем землевладении в Сибири. Автор изучает проблему на примере семьи великого русского художника, енисейского казака Василия Ивановича Сурикова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).081+(571.51)+(571.53)

В статье рассматриваются причины, сущность и итоги выделения земельных наделов неполковому (не входившему в списочный состав Енисейского и Иркутского казачьих полков) казачьему населению Енисейской и Иркутской губерний после реформы 1871 г. Обращение к данной теме позволяет расширить сложившиеся в исторической науке представления о казачьем землевладении в Сибири. Автор изучает проблему на примере семьи великого русского художника, енисейского казака Василия Ивановича Сурикова.

Ключевые слова и фразы: В. И. Суриков; А. И. Суриков; Положение 1871 г.; енисейское и иркутское казачество; земельный надел; землеустройство.

Алексей Евгеньевич Богуцкий, к. ист. н.

Кафедра истории России

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

al_boguz@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМИ НАДЕЛАМИ НЕПОЛКОВОГО КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ И ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1871 ГОДА[©]

Период правления императора Александра II вошел в историю как «эпоха великих реформ», изменивших жизнь всех сословий Российской империи, в том числе и казачества. В 1860–1870-х гг. некоторые реформаторы предлагали упразднить это военно-служилое сословие, как ненужный анахронизм, но эти предложения не были реализованы. Главной причиной отказа от упразднения военно-служилого сословия было то, что государству пришлось бы резко увеличить военные расходы на кавалерию и на охрану государственных границ [6, с. 6]. Разработанные в ходе реформ новые общегосударственные акты и положения о казачьих войсках оказали влияние на порядок несения военной службы, социально-экономический статус казаков. Коснулись изменения и жизни казачьего населения Енисейской и Иркутской губерний.

В 1871 г. было издано «Положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков» [3, д. 14, л. 47 об.]. Согласно Положению, указанные казачьи части упразднялись, и все их население, зачисленное в полки по ранее действовавшему «Положению об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках» [9, д. 64, л. 1 - 16 об.] от 4 января 1851 г., обращалось в крестьянское сословие. Исключением являлись казаки, находившиеся в казачьем сословии при вступлении в силу Положения 1851 г. Все исключенные из полков казаки получали земельные наделы. Каждый обер-офицер, а также их вдовы, имевшие детей, получали по двести десятин, бездетные вдовы по сто десятин, урядники и казаки от пятнадцати до тридцати десятин на душу [3, д. 14, л. 48].

После упразднения полков потомственные енисейские и иркутские казаки, оставшиеся в служилом сословии, в мирное время должны были формировать Красноярскую и Иркутскую конные казачьи сотни. В военное время сотни переформировывались в трехсотенные конные дивизионы [7, с. 329]. Положение 1871 г. переподчинило немногочисленное (на 1871 г. около шести тысяч человек обоего пола [11, с. 80]) казачье население Енисейской и Иркутской губерний из военного ведомства гражданским властям. Таким образом, новый законопроект ликвидировал войсковое административное устройство енисейско-иркутского казачества, что до 1917 г. являлось специфической особенностью данных казаков. Военным властям казаки подчинялись только при прохождении действительной военной службы, на которую они должны были снаряжаться за свой счет. От казны енисейские и иркутские казаки получали огнестрельное и холодное оружие, а также нижнее белье [Там же, с. 196]. Все остальное снаряжение и строевого коня казакам следовало покупать самим. Необходимые средства казаки в основном получали от доходов со своих земельных наделов, поэтому вопрос о наделении казачества землей был тесно связан с вопросом боевой подготовки казачьих частей.

Во второй половине XIX века среди енисейских и иркутских казаков появились лица, не проходившие действительной военной службы, а служившие в различных гражданских ведомствах. После реформы 1871 г. данная группа казаков подняла вопрос о наделении их земельными наделами.

Целью нашей работы является изучение проблемы решения земельного вопроса в отношении неполкового (то есть не входившего в списочный состав полков на 1871 г.) казачьего населения. В настоящей статье рассмотрение этой проблемы мы предлагаем на примере семьи енисейских казаков Суриковых, подаривших России и миру известного живописца Василия Ивановича Сурикова.

Суриковы являлись потомками старинного казацкого рода, известного в Красноярске еще с XVII века. Предки живописца пришли в Сибирь с Дона с отрядом Ермака еще в конце XVI в. Их потомки принимали участие в постройке Красноярского острога в 1628 г., а затем в его обороне от набегов воинственных сибирских кочевников. Сам великий художник в своих воспоминаниях с гордостью отмечал, что в Красноярской шатости (*бунте* – А. Б.) конца XVII в. против произвола царских воевод принимали участие казаки Петр и Илья Суриковы. «В семье у нас все казаки, – рассказывал художник, – до 1825 года простыми казаками были, а потом офицеры пошли...» [Цит. по: 5, с. 7].

Отец будущего живописца, Иван Васильевич Суриков (1806–1859 гг.), в отличие от своих родственников, в армии не служил. По окончании уездного училища в 1829 г. поступил на гражданскую службу. Дослужился до губернского регистратора. Иван Васильевич интересовался литературой, страстно любил музыку и считался одним из лучших певцов в Красноярске.

Мать Василия и Александра Суриковых, Прасковья Федоровна, в девичестве Торгошина (1818–1895 гг.), также происходила из казацкой семьи. Род ее был не менее древний, чем род Суриковых. Она была простой неграмотной женщиной, одаренной от природы вкусом к художественным работам. Прасковья Федоровна прекрасно вышивала бисером и гарусом картины, немного рисовала, делая эскизы для своих вышивок.

Вообще, все родственники Василия и Александра Суриковых были любознательными и по-своему образованными людьми. В родном доме братья имели возможность читать произведения русских и зарубежных писателей. Дядя Суриковых, Марк Васильевич, выписывал журналы «Новоселье» и «Современник». Он любил писать картины маслом и рисовать акварелью. Двоюродный дядя, офицер Енисейского казачьего полка Василий Матвеевич Суриков, писал стихи и тоже рисовал акварелью. Еще один дядя был художником-самоучкой [Там же, с. 7-8].

Казачий уклад жизни, детство в доме, в котором сохранялись многие предметы быта прошедших эпох (казачья амуниция, старинное оружие и т.д.), богатая сибирская природа, сибиряки с их особым самобытным характером, все это в дальнейшем отразилось в творчестве великого художника-патриота. По нашему мнению, унаследовал Василий Иванович Суриков и художественный талант, вкус от своих предков, который позже так ярко раскрылся в его произведениях.

При проведении землеустроительных работ в восточносибирских губерниях возникли определенные проблемы в выделении земельных наделов казачьему населению. Во-первых, казачье население губерний было малочисленным. Во-вторых, это малочисленное казачество было разбросано на огромных пространствах губерний и проживало, в основном, небольшими группами в крестьянских селах и деревнях. Компактные казачьи поселения (станции) располагались только на юге Енисейской губернии, в городах Красноярске и Иркутске и Тункинской долине Иркутской губернии. Подобное «распыленное» проживание не позволяло выделить обособленных от крестьянских земель казачьих наделов. В-третьих, процесс землеустройства усложнился случившимися в 1879 г. в Иркутске и в 1881 г. в Красноярске пожарами, уничтожившими многие архивные документы, которые могли способствовать признанию прав казаков на те или иные участки земли, а также на само право получения и владения земельным наделом [2, д. 27, л. 1 - 1 об.; 10, с. 294-296; 12, с. 119-121].

В августе 1887 г. на имя императора Александра III было подано прошение от классного художника первой степени Василия Иванова и канцелярского служителя Александра Иванова Суриковых с просьбой о признании за ними прав происхождения из казачьего сословия и наделении их землями в Енисейской губернии на основании «Положения о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков» от 19 мая 1871 г. В своем прошении братья Суриковы указали причину позднего (через шестнадцать лет после издания Положения) предъявления своих прав на земельный надел – апрельский пожар 1881 г. в г. Красноярске, уничтоживший делопроизводство Енисейского конного казачьего полка, где хранились формулярные послужные списки их предков. Без данных о дате смерти и чинопроизводстве духовная консистория отказала бы братьям в выдаче метрических свидетельств родственников. Для того чтобы узнать эту информацию, Суриковым пришлось опросить сослуживцев своих родственников. Только после уточнения их дат смерти и сведений о чинопроизводстве братьями были получены копии метрических свидетельств [2, д. 27, л. 1 - 1 об.]. Согласно метрикам, прадед Суриковых, Иван Петрович, был уволен от службы в 1805 г. Дед, Василий Иванович, имел чин сотника и служил в Туруханске, где и умер. Кроме этих документов, были приложены метрики дядей – зауряд-хорунжего Марка и сотника Ивана Васильевичей Суриковых. Остальные сведения о службе родственников (формулярные списки и т.д.) могли быть получены из Межевого отделения казачьих войск Главного управления Восточной Сибири [Там же].

По нашему мнению, были еще две причины позднего предъявления прав на земельный надел казаками Суриковыми. В период с 1869 г. по 1875 г. В. И. Суриков учился в Академии художеств в Санкт-Петербурге. В 1875 г. Советом Академии художеств ему было присвоено звание «классного художника первой степени» [5, с. 17]. С 1877 г. он жил в Москве, расписывал храм Христа Спасителя. В январе 1878 г. молодой художник женился на Елизавете Августовне Шарз, внучке декабриста П. Н. Свистунова. У супружеской четы было две дочери – Ольга (1878 г.) и Елена (1880 г.). Живописец систематически совершал поездки в Сибирь, в другие регионы России и за границу. Так, в 1883–1884 гг. он посетил Австро-Венгрию, Германию и Францию. Вообще надо сказать, что первая половина и середина 1880-х гг. были чрезвычайно плодотворными в его творческой биографии. В этот период В. Суриков написал такие монументальные полотна, как «Утро стрелецкой казни» (1881 г.), «Меншиков в Березове» (1883 г.), «Боярыня Морозова» (1887 г.) [1, с. 88; 5, с. 55-56, 58-59]. Прообразами многих героинь последней картины стали его родственницы из села Торгашино, расположенного под Красноярском. После окончания работы над «Боярыней Морозовой» летом 1887 г. Василий Суриков с семьей приехал в Красноярск, где находился до начала сентября. Художник написал портреты матери, брата, знакомых. Сделал зарисовки видов губернского центра [5, с. 38, 54, 56; 8, с. 182-192]. Именно в этот период он имел возможность вместе с братом направить прошение на получение земельного надела. Другая причина касалась проведения самого землеустройства в восточносибирских губерниях, которое постоянно затягивалось. Оно было начато не в 1871 г., а в 1880 г. и почти сразу же

приостановлено. Многим казакам пришлось через суды и специальные прошения самостоятельно добиваться положенного им земельного надела [10, с. 295-296; 12, с. 119-120].

Почему Суриковы выступили с подобным прошением на имя императора Александра III? Документов, способных дать однозначный ответ на этот вопрос, не обнаружено. Мы предполагаем, что Василий Иванович таким образом хотел улучшить материальное положение своей матери и брата, проживавших в Красноярске. Александр Иванович Суриков не получил законченного образования. Служил в Красноярском суде, где занимал незначительные должности [5, с. 61]. Жалованье на таких должностях было небольшое, и земельный надел мог улучшить материальное положение семьи, тем более, что Суриковы были потомственными казаками, чьи предки верой и правдой служили России. Земельный надел можно было сдавать в аренду и получать доход. В. И. Суриков до конца жизни старался помогать своим сибирским родственникам, о чем свидетельствуют воспоминания его внучки Натальи Кончаловской [8, с. 60, 280].

Дальнейшая судьба прошения Суриковых такова. Вместе с копиями метрических свидетельств оно было направлено в Межевое отделение казачьих войск Главного управления Восточной Сибири, которое производило наделение енисейских и иркутских казаков земельными наделами. Уже в ноябре 1887 г. на их прошение от заведовавшего отделением коллежского советника А. Скрынникова в Красноярское городское полицейское управление пришел ответ. В нем А. Скрынников просил полицейское управление объявить классному художнику и канцелярскому служителю Василию Иванову и Александру Иванову Суриковым, что Межевое отделение не может произвести отвод им земли. Была указана и причина. Межевое отделение производило наделение земель только тех офицеров, вдов, сирот и казаков расформированного Енисейского конного казачьего полка, «которые были показаны в списках лиц, имеющих право на поземельный надел по Положению 1871 г.» [2, д. 27, л. 3]. В этих списках братья Суриковы не значились. Для восстановления прав на получение земельного надела А. Скрынников рекомендовал Суриковым обратиться в местное Губернское правление [Там же].

Как в дальнейшем решался вопрос о наделении земельным наделом казаков Василия Ивановича и Александра Ивановича Суриковых, неизвестно. В апреле 1888 г. у Василия Ивановича от порока сердца умерла супруга, и он остался один с дочерьми. Художник впал в тяжелую депрессию и почти не занимался живописью. В начале лета 1889 г. он уехал в Сибирь, где началось его душевное выздоровление. Признаком этого стало написание им в 1890-1891 гг. картины «Взятие снежного городка», запечатлевшей образ сибиряков, полных здоровья, удали и веселья [8, с. 198-217]. Известно, что в 1917 г. наследники Сурикова владели под Красноярском земельным участком более чем в двести десять десятин. В период с 1917 по 1919 гг. участок был продан красноярским городским казакам [4, д. 2, л. 2].

Анализ архивных документов позволяет сделать следующий вывод. Губернское правление пошло на выделение Суриковым земельного надела, так как они были не рядовыми казаками, а занимали определенные должности по гражданской службе, что не могло остаться без внимания властей. Во второй половине 1880-х гг. Василий Иванович Суриков уже был знаменитым художником, произведения которого старались приобрести и лица императорской фамилии [8, с. 254, 275-278]. В дальнейшем земельные наделы получили и другие представители казачьего сословия, не служившие на действительной военной службе, но находившиеся на определенных должностях по гражданской. Подобное наделение земельными наделами лиц неполкового казачьего населения следует считать, скорее, исключением из общих правил землеустройства енисейско-иркутского казачества, чем нормой. Необходимо отметить, что большая часть простых казаков и урядников не смогла получить положенную им норму земельного тридцатидесятинного надела вплоть до революционных событий 1917 г. [11, с. 164-166]. Наделение казачества землей завершилось только в период гражданской войны, но установление советской власти, упразднившей казачье сословие, привело к ликвидации обобщенного казачьего землевладения.

Список литературы

1. **Большая советская энциклопедия:** в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров и др. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 25. Струнино - Тихорецк. 600 с.
2. **Государственный архив Иркутской области (ГАИО).** Ф. 41. Оп. 1.
3. **ГАИО.** Ф. Р-1492. Оп. 1.
4. **Государственный архив Красноярского края (ГАКК).** Ф. 893. Оп. 1.
5. **Денисенко А. М., Позднякова Е. Я.** Великий сын земли Сибирской. Красноярск: Станица, 1996. 78 с.
6. **История казачества Азиатской России:** в 3-х т. / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 2. 251 с.
7. **Казачьи войска. По апрель 1912 года:** справочная книжка Императорской главной квартиры / сост. В. Х. Казин; под ред. В. К. Шенка. СПб., 1912. 462 с.
8. **Кончаловская Н.** Дар бесценный. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1978. 399 с.
9. **Муниципальное учреждение «Минусинский городской архив» (МУ «МГА»).** Ф. 81. Оп. 1.
10. **Путинцев Н.** Иркутское и енисейское казачество: историческая справка // Военный сборник (Санкт-Петербург). 1900. № 4. С. 290-296.
11. **Романов Г. И., Новиков П. А.** Иркутское казачество: вторая половина XVII – начало XX века. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. 352 с.
12. **Хлыновский М.** Казаки иркутские и енисейские // Военный сборник (Санкт-Петербург). 1903. № 10. С. 106-121.

**PROBLEM OF LAND ALLOTMENTS ENSURING FOR NON-REGIMENTAL
COSSACK POPULATION WITHIN ENISEISK AND IRKUTSK PROVINCES
AFTER 1871 REFORM**

Aleksei Evgen'evich Bogutskii, Ph. D. in History
Department of Russian History
Khakass State University named after N. F. Katanov
al_boguz@mail.ru

The author discusses the reasons, essence and results of land allotments admeasurement for the non-regimental (not included in the payroll of Eniseisk and Irkutsk Cossack regiments) Cossack population of Eniseisk and Irkutsk provinces after the reform of 1871, shows that the consideration of this subject allows extending the idea of Cossack land ownership in Siberia established in historical science, and studies the problem by the example of the family of the great Russian artist, Eniseisk Cossack Vasilii Ivanovich Surikov.

Key words and phrases: V. I. Surikov; A. I. Surikov; Regulations of 1871; Eniseisk and Irkutsk Cossacks; land allotment; land management.

УДК 1

В статье процесс развития социальной деятельности анализируется через выявление особенностей эволюции механизма её нормативного регулирования, в котором, в свою очередь, выделяются наряду с нормами прямой императивности, определяющими порядок функционирования различных предметных областей, также нормы косвенного целеполагания, имплицитно влияющие на поведение социальных субъектов. К таким нормам автор относит, прежде всего, моральные ценности и принцип справедливости, которые, находясь внутри системы социальной коммуникации, способны формировать оптимальную мировоззренческую модель динамики развития социума. Данная модель, по мнению автора, является основой эффективной интеграции и фактором, предупреждающим проявления этического утопизма.

Ключевые слова и фразы: мораль; косвенное целеполагание; деятельность; социальные отношения; социальная регуляция; справедливость; ценность.

Владимир Александрович Ветров, канд. филос. н., доцент
Кафедра философии и религиоведения
Шуйский государственный педагогический университет
vetrov-1947@mail.ru

КОСВЕННОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В СОЦИАЛЬНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ®

Система социального регулирования представляет собой сложную структуру требований к поведению человека и организаций, призванных упорядочить функционирование общественных отношений и повысить эффективность деятельности в каждой из предметных сфер.

Рассматривая вопросы развития механизма социального регулирования, необходимо различать внутреннюю мотивацию и внешние факторы, определяющие поведение отдельного человека, направленность и результативность общей деятельности, нормы, выражающие коллективную потребность в достижении ожидаемого практического результата и, наконец, характер и механизм взаимосвязи личного и общественного смыслов, заложенных имплицитно в данном роде деятельности. При этом, естественно, речь не идёт о создании теоретической модели механизма социального регулирования, созданного на принципе «неизбежного» единомыслия участников общего дела, а наоборот, задача состоит в интеграции различных смысловых значений целесообразности в единый поток эффективного творчества.

Первое, на что следует обратить внимание, это статус нормы в структуре общественного отношения, где она вместе с институтами и соответствующим сознанием как осознанием мотивов и целей деятельных субъектов составляет динамичное единство. Именно благодаря нормативной характеристике всему социальному процессу задаётся направленность и придаётся практическая ценность.

Традиционное различение норм на институциональные и внеинституциональные, абстрактные и конкретные, принципы, законы, правила и другие типы классификации позволяет дать достаточно широкое представление о нормативной регуляции поведения. Однако многообразие и, главное, динамика современной жизни ставят задачу применения новых моделей классификации социальной императивности, в которых будут учитываться не только открытые формы регулирования, но и косвенные.

Под системой косвенного социального регулирования понимается такая совокупность норм детерминации поведения субъекта, которая открыто не заявлена, не легализована, не легитимизирована, а выступает